

Е.А. Прусская

ОБРАЗ ВОСТОКА В ДНЕВНИКАХ И ПИСЬМАХ УЧАСТНИКОВ ЕГИПЕТСКОГО ПОХОДА (1798–1801)

Образ Востока в источниках личного происхождения отличался от того, который насаждался руководством армии Востока через армейскую прессу. Именно в сравнении себя с местными жителями, с их привычками, обычаями, религией и образом жизни французы осознавали свое превосходство в культурном плане. На примере жителей Египта оккупанты формировали суждение о «жителях Востока» вообще и делали обобщения относительно их привычек и обычаев, присутствующих, по их мнению, всему Востоку. Именно эти «жители Востока» (*les Orientaux*) и были для французов теми «Другими», в сравнении с которыми завоеватели ощущали свое культурное превосходство и выделяли такие идентифицирующие черты своего характера, как великодушные, гуманность, просвещенность. Соответственно в сочинениях участников экспедиции звучит мотив о необходимости цивилизовать египтян, высказывается убеждение в необходимости распространения среди них ценностей Французской революции. Однако сами французы далеко не всегда спешили применять эти идеи на практике, предпочитая на «невежественном» и «жестоком», по их мнению, Востоке, действовать «принятыми здесь» способами. То есть сложившийся образ Востока определял и политику французов по отношению к нему.

Ключевые слова: Египет, Франция, Восточная экспедиция Бонапарта, образ «Другого»

Эпоха Нового времени принесла с собой бурный расцвет мемуаристики и эпистолярного жанра, и документы личного происхождения – будь то дневники, воспоминания, путевые заметки или частная корреспонденция – стали массовым источником по истории того времени. Французская экспедиция в Египет (1798–1801) оставила огромный корпус документов, и среди них источники личного происхождения занимают немалое место. Именно они будут рассмотрены в настоящей статье, поскольку передают живые впечатления участников похода от Востока и позволяют взглянуть на события экспедиции их глазами.

Евгения Александровна Прусская, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

По окончании экспедиции было опубликовано множество мемуаров, однако в них ее события зачастую переосмысливались под влиянием произошедшего позднее. Дневниковые же записи и частная корреспонденция, датированные периодом Египетского похода, передают непосредственные впечатления участников экспедиции от увиденного. Даже если позже некоторые дневниковые записи и были подвергнуты самими авторами литературной обработке, то большинство из них все же не предназначались для публикации, в отличие от мемуаров, и были изданы позже либо потомками очевидцев Египетской экспедиции (дневники полковника Ф. Виго-Руссильона¹, инженера Р.-Э. де Вийер дю Теража², артиллериста Л.-Ж. Брикара³), либо историками (дневники артиллерийского генерала Ж.-П. Догеро⁴, военного инженера Л.-Э. Малюса⁵, инженера П. Жоллуа⁶), а потому могут рассматриваться как отражение непосредственных впечатлений о Востоке.

Что касается частной корреспонденции, то она интересна именно тем, что помогает сравнить взгляд простых участников похода на события экспедиции с официальным взглядом. В данной статье используются письма из Египта во Францию не только высшего командования, но руководителя мастерской по изготовлению обмундирования для армии Востока Ф.-М.-Н. Бернуае⁷, генерала Ш. Морана⁸, занимавшего в 1799 г. пост губернатора провинции Джирджа, зоолога Э. Жоффруа Сент-Илера⁹, а также письма французских военнослужащих из Египта, перехваченные и опубликованные в трех томах англичанами¹⁰.

Таким образом, мы рассмотрим письма и дневники, вышедшие из-под пера представителей разных социальных групп и рангов французской армии.

¹ *Vigo-Roussillon F.* Journal de campagne: 1793–1837. P., 1981.

² *De Villiers du Terrage É.* Journal et souvenirs sur l'expédition d'Égypte. 1798–1801 // Publ. par M. de Villiers du Terrage. P., 1899.

³ Journal du canonnier Bricard (1792–1802) // Pub. par A. & J. Bricard. P., 1891.

⁴ *Dogueron J.-P.* Journal de l'expédition d'Égypte. Éd. par C. de La Jonquière. P., 1997.

⁵ L'agenda de Malus; souvenirs de l'expédition d'Égypte, 1798–1801 // Pub. par le général Thoumas. P., 1892.

⁶ *Jollois J.-B.-P.* Journal d'un ingénieur attaché à l'expédition d'Égypte, 1798–1802 // Pub. par P. Lefèvre-Pontalis. P., 1904.

⁷ *Bernoyer F.* Avec Bonaparte en Égypte et en Syrie : 1798-1800 / Publ. Ch. Tortel. P., 1981.

⁸ *Morand Ch.* Lettres sur l'expédition d'Égypte: de l'Italie à la prise du Caire; suivies de son Carnet de route de chef de brigade: de Rome à Assouan. 1798–1799 / Éd. par le comte Morand. P., 1998.

⁹ *Geoffroy Saint-Hilaire É.* Lettres écrites d'Égypte à Cuvier, Jussieu, Lacépède, Monge, Desgenettes, Redouté jeune, Norry, etc., aux professeurs du Muséum et à sa famille / Publ. E.T. Hamy. P., 1901.

¹⁰ Copies of original letters from the army of general Bonaparte in Egypt, intercepted by the fleet under the command of admiral Lord Nelson. 3 vols. L., 1799–1801.

Встреча с Египтом

Официальная пресса Восточной армии формировала у личного состава такое представление об оккупированной стране, которое должно было убедить солдат и офицеров в жизненной необходимости установления над этой территорией французского господства, что оправдывало бы переносимые ими здесь тяготы и лишения¹. Египет изображался страной богатой, но в то же время невежественной, которой вскоре вновь предстоит пережить расцвет при мудром управлении ею европейцами. В прессе Восточной армии подчеркивалось также, что местное население испытывает к французам глубокую благодарность за то, что они освободили жителей Египта от «тирании» мамлюков. Однако то, что видели своими глазами участники похода, весьма отличалось от этой картины.

Письма и дневники солдат Восточной армии исполнены горького разочарования в Египте, жалоб на тяжесть пребывания здесь и пожеланий скорее вернуться домой. Египет оказался для участников экспедиции совсем другим миром, не похожим на привычный или воображаемый ими. Эту разницу хорошо показал генерал Моран в письме другу: «Египет – страна, о которой невозможно получить представление, не увидев ее и не пройдя насквозь, поскольку здесь нет ничего общего с Европой. Жители, население, обычаи и нравы, почва, воздух, раскаленный от жары и пронизанный светом, – всё нам чуждо. Наконец, мы не находим в этой стране ни одного из привычных для нас чувств. Самый удачливый путешественник и самый лучший писатель не способны передать европейцу то, что увидели и испытали здесь»². О радикальном отличии Египта от Европы говорил и некто Пистр в послании родственнику: «После поверхностного очерка о Египте, что я тебе написал, ты можешь себе представить, что армия крайне недовольна этой экспедицией в страну, где нравы, пища и жара не имеют ничего общего с нашим образом жизни в Европе»³.

Ко всему прочему, солдаты зачастую просто не могли купить себе еды, так как им подолгу не платили жалованье. К тому же им приходилось терпеть тяготы сухого и жаркого климата. Разумеется, все эти разочарования не могли не вызвать у участников похода ненависть к столь негостеприимной земле и острое желание вернуться домой. Моран в письме другу подчеркивал, что подобной кампании у французов еще не

¹ См. Прусская Е.А. Французская пресса в Египте о мусульманском Востоке (1798–1801) // ФБ 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. С. 223–251.

² *Morand Ch.* Op. cit. P. 49.

³ Copies of original letters. Vol. 2. P. 46.

было: «Никогда, мой друг, я не смог бы вам описать более ужасной страны из всех тех, что мы завоевывали. Никогда я не мог бы вам передать, как мы страдали с первых же мгновений после высадки здесь»¹. Египет в письмах и дневниках характеризовался как «проклятая» страна², отмечалось, что даже генералы мечтают уехать отсюда³.

Несмотря на заверения наполеоновской пропаганды в издававшейся для армии газете *Courrier de l'Égypte* о преданности и благодарности местного населения французам⁴, источники личного происхождения показывают совершенно иную картину. С первых дней вторжения оккупанты столкнулись с противодействием египтян. Неизвестный писал своей возлюбленной: «Мы встречаем везде сильное сопротивление и еще большее предательство. Для француза в одиночку невозможно пройти через населенный пункт расстояние даже в один мушкетный выстрел, не рискуя быть убитым или стать жертвой ужасающей страсти, которая распространена в этой стране, особенно среди мамлюков и арабов-бедуинов»⁵. Не только стычки с племенами бедуинов и с мамлюками досаждали французам, но и враждебное отношение жителей городов и деревень. По словам генерала Догеро, французы «могли достать пропитание только угрозой кары и за деньги. Но население пренебрегало нашими деньгами [...] оно было злобным и убивало французов, если те шли поодиночке»⁶.

Немусульманское население относилось к французам, в целом, более доброжелательно и сотрудничало с ними активнее. Впрочем, и мусульманам приходилось так или иначе взаимодействовать с завоевателями, потому как они прекрасно знали, что сопротивление чревато расправой: в своих прокламациях Бонапарт прямо предупреждал об этом⁷.

¹ *Morand Ch.* Op. cit. P. 46.

² А. Декорче – жене. 12 фрюктидора VI года (29 августа 1798 г.) // *Copies of original letters.* Vol. 2. P. 183.

³ Буае – главнокомандующему армии Англии. 10 термидора VI года (28 июля 1798 г.) // *Ibid.* Vol. 1. P. 130.

⁴ *Прусская Е.А.* Указ. соч. С. 229–230.

⁵ *Copies of original letters.* V.1. P. 105.

⁶ *Doguereau J.-P.* Op. cit. P. 15.

⁷ Очевидец тех событий, египетский хронист, ученый-богослов университета аль-Азхар Абд ар-Рахман аль-Джабарти, приводит в своем сочинении «Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий» тесты прокламаций Бонапарта. Первая же из них содержала следующие слова: «Да будут дважды благословлены те жители Египта, которые перейдут на нашу сторону, – их положение улучшится, и они повысятся в чинах. Да будут благословлены также те, кто останутся у себя дома и не присоединятся ни к одной из воюющих сторон. Когда они нас узнают лучше, они поспешат стать на нашу сторону от всего сердца. Но горе, горе тем, которые станут на сторону мамлюков и будут сражаться против нас. Не найдут они после этого пути к спасенью и бесследно исчезнут». – *Ал-Джабарти, 'Абд Ар-Рахман.* Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801) / Пер., пред. и прим. И.М. Фильштинского. М., 1962. С. 55–56.

В то же время французское командование приказывало солдатам уважать традиции местных жителей. Порой в дневниках встречаются упоминания о том, что жители того или иного населенного пункта хорошо отнеслись к французам¹. Тем не менее основным стимулом для местного населения если не дружить с французами, то хотя бы сохранять нейтралитет, была не благодарность «освободителям», как утверждала наполеоновская пропаганда, а страх. В воздухе постоянно витала враждебность². Восстания против оккупантов, когда ненависть оказывалась сильнее страха, свидетельствовали об этом. Потому и сами участники экспедиции не строили иллюзий по поводу подлинного отношения к себе египтян. Портной Бернуае отмечал, как изменилось после взятия французами Каира отношение к ним местного населения, которое он называет собирательным понятием «турки»: «За последние несколько дней я заметил изменения в отношении турок к нам. Та почтительность, которую они нам выказали после нашего прибытия, резко сменилась определенным тоном дерзости и презрения, что, мне кажется, ничего хорошего нам не предвещает»³. Артиллерист Брикар писал, что жители в Александрии во время Сирийской кампании открыто передавали друг другу слух о том, что скоро в Египте не останется ни одного француза⁴. Догеро подчеркивал, что после подавления второго Каирского восстания и возвращения французов в столицу Египта горожане были безутешны из-за высокой контрибуции, однако «они еще никогда нам так не подчинялись, и французы еще никогда не были властителями всего Египта до этого времени»⁵. Таким образом, солдаты прекрасно осознавали враждебность большей части местного населения к ним и не строили иллюзий относительно методов, коими удавалось добиться его лояльности. Равно не разделяли они и мнения о богатстве завоеванной страны.

¹ См., например: *Journal du capitaine François*. P. 381; *De Villiers du Terrage É.* Op. cit. P. 51, 52; *Morand Ch.* Op. cit. P. 74; *De La Jonquière C.* L'Expédition d'Égypte (1798–1801) / Nov. éd. par J. Garnier. V. 1–5. P., 2003. Vol. 2. P. 109, 124–125, 131 и т.д.

² Из хроники аль-Джабарти также видно, что внешне дружественные отношения между французами и местным населением были весьма хрупкими, тревога не покидала жителей, и при первых же признаках угрожавшей им со стороны оккупантов опасности настроение местных жителей менялось. Например, когда французы в Каире начали сносить ворота, разделявшие кварталы и улицы, жители были напуганы: «Всяческие мысли стали приходить им в голову. Возникли самые дурные предположения и подозрения, которые высказывались вслух и оттого представлялись еще более возможными. Жители, например, передавали друг другу, будто французские солдаты намереваются в пятницу во время молитвы перебить всех мусульман». *Ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 73.

³ Бернуае – жене. Без даты // *Bernoyer F.* Op. cit. P. 52; *Journal du canonnier Bricard*. P. 87.

⁴ *Journal du capitaine François*. P. 360.

⁵ *Doguereau J.-P.* Op. cit. P. 151.

Этноконфессиональный состав населения

В корреспонденции и дневниках участников египетской экспедиции не представлено общей этноконфессиональной картины Египта. Всех жителей Египта, говоря о мирном населении, в основном городском (для обозначения крестьян зачастую использовался собирательный термин «феллах»), французы называли, как правило, «турками» (реже – «египтянами»), что одновременно было синонимом «мусульман», так как французы не проводили различий между этническими и конфессиональными группами населения, равно как и между «арабами» и «бедуинами», называя так племена, с которыми они либо воевали, либо заключали союзы. Также в дневниках и письмах упоминается о «мамлюках», «коптах», «греках», «иудеях» и «магрибинцах».

Племена «арабов» и «бедуинов» изображались в источниках личного происхождения обычно как свирепые и беспощадные. Брикар писал о них: «Многие из тех, кто был захвачен в плен этими злодеями, имели счастье сбежать и вернулись в Александрию в ужасающем состоянии, до этого в течение многих дней удовлетворяя жестокую страсть этих монстров»¹. Моран также называл их «свирепыми бедуинами» и описывал их жестокость по отношению к французским пленникам². Участники экспедиции отмечали вероломство и алчность племен: Догеро возмущался, что они исподтишка нападают на солдат³ и что их единственной целью является грабеж⁴, а Брикар отмечал, что их жертвами становились даже безоружные солдаты.

Помимо вероломства бедуинов, оккупантов также поражало то, что кочевники не соблюдали «правил войны» и их действия отличались от привычных для французов. Так, Рози, называя арабов, мамлюков и бедуинов наиболее «варварскими» нациями, писал о первых: «В первые дни они не брали пленных. Когда генерал Бонапарт увидел это, он отправил им манифест на их языке, дабы сообщить, что, если они будут убивать пленных, то это навлечет на них наше мщение. Несмотря на это, они продолжали поступать в том же духе»⁵.

Капитан Рози отмечал, что племена бедуинов ведут кочевой образ жизни, живя в палатках и постоянно перемещаясь с места на место со всем своим скарбом⁶. Жестокость племен, их необычный и устрашающий внешний вид и суровое поведение настолько поразили французов, что большинство участников экспедиции отзывалось о них как о варварах и дикарях.

¹ Journal du canonnier Bricard. P. 315.

² Morand Ch. Op. cit. 42–43.

³ Dogueriau J.-P. Op.cit. P. 16–17.

⁴ Ibid. P. 51.

⁵ Рози – брату. 4 вандемьера VII года (25 сентября 1798) // Copies of original letters. P. 223.

⁶ Рози – Гриве. 23 фюктидора VI года (9 сентября 1798) // Ibid. P. 214.

Наиболее эмоционально эта мысль выражена у Брикара: «Эти дикие существа [бедуины] вызывают ужас. Их варварский наряд и облик, вкупе с преступлениями, которые они совершают каждый день, заставляют саму природу содрогнуться от ужаса. Они более устрашающи, чем арабы; их черные блуждающие фигуры напоминают чудовищ»¹. По мнению французов, племена арабов и бедуинов были настолько дики, что сама возможность их приобщения к культуре вызвала сомнение. Так, Лакюе писал дяде, что арабов «будет труднее цивилизовать, чем нас вернуть в дикое состояние»². Генерал Бельяр в своем дневнике отмечал: «Бонапарт окажет большую услугу Египту, если ему удастся или цивилизовать их, или истребить»³.

Что касается мамлюков, то в своих письмах и дневниках французы отмечали их красоту⁴, мужество и храбрость⁵ и даже называли «лучшей кавалерией мира»⁶. Однако, обладая более совершенной военной организацией, французы осознавали свое превосходство в бою, охотно объясняя в письмах и дневниках, почему мамлюки им проигрывают. Так, Лакюе считал, что «у мамлюков есть только отвага, мы же компетентны и дисциплинированы»⁷. Врач Деженет полагал, что мамлюки «ничего не могут противопоставить [французской] армии, кроме слепой отваги»⁸. Буае констатировал, что мамлюки не имеют представлений о тактике⁹. Если мамлюкам, привыкшим вести бой один на один с противником, было странно видеть французов, совершающих четкие и слаженные маневры в строю¹⁰, то французам было удивительно получать от мамлюков вызов на поединок. Полковник Виго-Руссильон описал случай, когда мамлюк по-итальянски крикнул французам: «Если среди французов есть смелый, то я его жду»¹¹. Однако для французов ответить на такой вызов было столь же странно, как для мамлюка – не принять его.

¹ Journal du canonnier Bricard. P. 325.

² Лакюе – дяде. 27 термидора (14 августа) // Copies of original letters. Vol. 2. P. 125.

³ De La Jonquière C. Op. cit. Vol. 2. P. 59–60.

⁴ De La Jonquière C. Op. cit. Vol. 2. P. 372–375; Morand Ch. Op. cit. P. 58.

⁵ Лакюе – дяде. 27 термидора (14 августа) // Copies of original letters. Vol. 2. P. 124; А. Декорче – жене. 12 фрюктидора VI года (20 августа 1798) // Ibid. P.186; Journal du capitaine François. P. 319.

⁶ Бернуае – жене. Без даты // Bernoyer F. Op. cit. P. 60; Vigo-Roussillon F. Op. cit. P. 65.

⁷ Лакюе – дяде. 27 термидора (14 августа) // Copies of original letters. Vol. 2. P. 124.

⁸ Деженет – жене. 9 термидора VI года (27 июля 1798) // Ibid. Vol. 1. P. 99.

⁹ Буае – главнокомандующему армии Англии. 10 термидора VI года (28 июля 1798 г.) // Copies of original letters. Vol. 1. P. 128.

¹⁰ Капитан Франсуа отмечал, что Клебер после второго взятия Каира показывал союзным беям, какими маневрами владеют французы, и объяснял им, что даже при маленьком количестве войск можно победить, используя тактику и эти маневры. Journal du capitaine François. P. 379–380.

¹¹ Vigo-Roussillon F. Op. cit. P. 65.

Французы отмечали богатство одежд мамлюков¹, их склонность ко всему красивому – оружию, женщинам и лошадям². Однако, как писал в донесении Директории Бонапарт, вся роскошь мамлюков заключалась только в лошадях и оружии, дома же их были бедны, как и весь Египет³.

Отсутствие тактики при ведении боевых действий отмечали французы и у других своих противников – османов. Франсуа подчеркивал, что они дерутся, «согласно их обычаю», беспорядочно, издавая в бою ужасные крики⁴, и отмечал их самонадеянность и уверенность в своей силе перед битвой у Гелиополиса⁵, которая, впрочем, не спасла их от поражения. Вообще же, османы в источниках личного происхождения изображались людьми свирепыми и вероломными. Брикар писал, что в битве при Абукире «турки» повели себя вероломно: пустили впереди себя женщин в надежде на то, что французы забудут о своем долге ради обладания теми⁶. Он же сообщал, что жители Каира с ужасом смотрели на этих «монстров», появившихся в городе после заключения перемирия между французами и Портой⁷. Вместе с тем французы подчеркивали и храбрость османов в бою⁸, а Франсуа, описывая заключение Эль-Аришского мирного соглашения, упомянул о том, что великий визирь приказал своим войскам хорошо относиться к французам и что его «полчище варваров из невольников всех наций и всех цветов» накормило и напоило французов⁹. Примечательно, что среди османских боевых подразделений Франсуа называл янычаров «наиболее цивилизованными», поскольку они пытались общаться с французами, однако незнание европейских языков не позволило им понять друг друга.

Таким образом, оценки мамлюков и османов не были однозначно отрицательными, в отличие от оценок «арабов» и «бедуинов». В то же время французы ощущали свое превосходство в цивилизационном плане над всеми этими этническими группами, признавая их «варварами», жестокими, хоть и отважными.

Что же до остальных жителей Египта – «турок», то их французы считали отставшими в развитии из-за духа рабства и деспотизма, пронизы-

¹ Бернуае – жене. 4 термидора VI года (22 июля 1798) // *Bernoyer F.* Op. cit. P. 54.

² *Vigo-Roussillon F.* Op. cit. P. 68.

³ Бонапарт – Директории. 6 термидора VI года (24 июля 1798) // *Napoleon Bonaparte.* Correspondence générale. Vol. 2. P. 194.

⁴ *Journal du capitaine François.* P. 365.

⁵ *Ibid.* P. 370. Битва при Гелиополисе состоялась 20 марта 1800 г., и армия Востока под командованием Клебера одержала решительную победу над османскими войсками.

⁶ *Journal du canonnier Bricard.* P. 371.

⁷ *Ibid.* P. 396.

⁸ *Journal du capitaine François.* P. 334; *Doguereau J.-P.* Op. cit. P. 127.

⁹ *Journal du capitaine François.* P. 352.

вающего страну. Как писал Бонапарт в отчете Директории, население Египта «привыкло быть либо страдальцами, либо победителями, либо тиранами, либо их жертвами»¹. Рабское положение одной части населения и деспотизм другой часто отмечались участниками экспедиции. Франсуа так писал о вступлении французских войск в Каир: «Все, что мы видели и слышали, выдавало страну рабства»². Бернуае изумлялся тому, что египтяне так быстро покорились оккупантам: «Мы были удивлены, что нация столь великая и многочисленная, казавшаяся столь гордой, смогла так быстро подчиниться без сопротивления иностранному господству. Я думаю, это проистекает из образа правления, основанного на деспотизме. Представители такого правления являются обычно угнетателями, которые не знают других законов, кроме своих многочисленных капризов»³.

Соответственно, дух рабства, по мнению французов, делал жителей невежественными, тормозя их развитие. Лакюе писал своему дяде: «Жители, униженные рабством, опустили до состояния дикарей и сохранили от [прежней] цивилизации только суеверия и религиозную нетерпимость. Я обнаружил их совершенное сходство с народами южных морей, описанными Куком и Фостером»⁴; То есть для французов жители Египта явно стояли на более низкой ступени развития, чем европейцы, и являются варварами, как они их не раз называли в своих сочинениях. Бонапарт также отмечал, что варварство в Египте «достигло своего пика»⁵.

Поэтому в источниках личного происхождения, особенно представителей высшего командования, не раз повторялась мысль о том, что французы должны цивилизовать местных обитателей, приобщив их к европейскому образу жизни. Об этом писал Бонапарт Клеберу в июле 1798 г., давая инструкции по обращению с местным населением: «Необходимо постепенно приучать население к нашим манерам и нашему взгляду на вещи»⁶. В августе того же года Мену писал в отчете Бонапарту о смягчении нравов египтян по отношению к французам, которые взывают к голосу их разума⁷. По мнению Мену, укрепление позиций французов в Египте зависит только от «нравственных качеств» завоевателей. Генера-

¹ Бонапарт – Директории. 16 вандемьера VII года (7 октября 1798) // *Napoleon Bonaparte. Correspondence générale*. Vol. 2. P. 513.

² *Journal du capitaine François*. P. 223.

³ Бернуае – жене. 12 термидора VI года (30 июля 1798) // *Bernoyer F.* Op. cit. P. 64.

⁴ Лакюе – дяде. 27 термидора VI года (14 августа 1798) // *Copies of original letters*. Vol. 2. P. 125.

⁵ Бонапарт – Ж. Бонапарту. 7 термидора VI года (15 июля 1798) // *Napoleon Bonaparte. Correspondence générale*. Vol. 2. P. 199.

⁶ *De La Jonquière C.* Op. cit. V. 2. P. 101.

⁷ *Ibid.* V. 2. P. 517.

лу Бельяру принадлежала идея о том, что арабские племена надо либо «уничтожить силой – но это варварский способ, либо же цивилизовать, заставить их забыть пастушескую жизнь и независимость, превратить, насколько это возможно, в земледельцев»¹. То есть, считая себя представителем более просвещенного и цивилизованного народа, Бельяр предпочитал не опускаться до уровня тех, кого считал варварами, но считал, что лучше «подтянуть» их до уровня французов.

Образ жизни и обычаи жителей Египта

В дневниках и корреспонденции участники французской экспедиции описывали нравы и обычаи египтян, отмечали характерные черты их образа жизни, постоянно подчеркивая огромную разницу между укладом жизни в Европе и на Востоке. По свидетельству Клебера, Бонапарт объяснял солдатам, что они находятся в Египте «среди людей, у которых нравы, культ, привычки и повадки, даже наиболее незначительные, полностью отличаются от наших»², а потому необходимо уважать и не нарушать местный образ жизни. Однако слишком большая культурная разница создавала определенные препятствия в этом. Жоффруа Сент-Илер эмоционально восклицал, что все нравы и обычаи здесь полностью противоречат французским³, а Брикар констатировал, что образ жизни местного населения поверг армию в ужас⁴.

По мнению французов, на местных жителей, которых они характеризуют эпитетами «ленивые каналы»⁵ и «жестокие дикари»⁶, оказало влияние общее рабское положение страны, сделав их невежественными и пассивными. Поэтому чаще всего «турки» описывались как праздные люди, единственным времяпрепровождением которых является курение наргиле. Так, в письме родителям Буае описал следующий образ турка: «Представьте себе человека бесстрастного, принимающего события как есть и ничему не удивляющегося, который, с трубкой во рту, занят лишь тем, что просиживает задницу возле своих дверей на скамейке или перед домом какого-либо вельможи и так проводит весь день, не слишком беспокоясь о своей семье и детях»⁷. Подчеркивая пассивность жителей Каи-

¹ Ibid. Vol. 5. P. 262.

² Kleber J.-B. Carnets d'Égypte // L'état-major de Kleber en Égypte. 1798-1800. D'après leurs carnets, journaux, rapports et notes / Éd. par S. Le Couëdic. P., 1997. P. 21.

³ Сент-Илер – Ж. Кювье // Geoffroy Saint-Hilaire É. Op. cit. P. 80.

⁴ Journal du canonnier Bricard. P. 314.

⁵ Дама – Клеберу. 9 термидора VI года (27 июля 1798) // Copies of original letters. Vol. 1. P. 73.

⁶ Деженет – жене. 9 термидора VI года (27 июля 1798) // Ibid. Vol. 1. P. 99.

⁷ Буае – родителям. 10 термидора VI года (28 июля 1798 г.) // Ibid. Vol. 1. P. 143.

ра, Бернуае отмечал, что, если животное умирает на улице, его не спешат убирать, и оно лежит там, пока не иссохнет¹. Состояние всеобщей лениности передалось даже оккупантам. По свидетельству Малюса, французы, почувствовавшие при въезде в Каир необходимость «отказаться от европейских привычек и перенять обычаи страны»², первым делом заимствовали как раз эту негативную сторону местных нравов – предались праздности³.

Участники экспедиции постоянно подчеркивали и другую черту местных жителей – крайнюю невежественность. Брикар отмечал, что жители деревень даже не знают, сколько им лет: «Единственно те, кто побогаче, имеют несколько большую осведомленность, а в целом они живут как дикие животные»⁴. Впрочем, и о горожанах он был не намного более высокого мнения: «Городские люди чуть больше приобщены к культуре, они всегда довольно ловки в обмане, ничего не сделают, если вы не держите в руке монеты; одновременно нахальные, крикливые, злобные и довольно робкие, они всегда преданы своей трубке»⁵. Отмечая невежественность египтян, Бонапарт в отчете Директории писал, что они «предпочитают пуговицу нашего солдата экию в шесть франков»⁶. Об этом же сообщал и Бернуае с более подробными объяснениями: в одной из деревень солдаты были поражены тем, что местные жители, продавая им продукты, брали плату не деньгами, а пуговицами. По мнению портного, разгадка проста: «В этой стране женщины вставляют монеты в качестве украшения в прически, а наши пуговицы с дырками легко спутать с деньгами. Как видишь, это проистекает из довольно недалеких взглядов и обнаруживает состояние невежества, в которое погружены эти люди»⁷.

Соответственно, на фоне невежественных египтян французы преисполнились убеждения в собственном культурном превосходстве, и потому в дневниках и письмах не раз приводили сцены, подчеркивавшие таковое. Вот как Франсуа описал вход армии в Каир: «Отличие нашей одежды от той, что принята на Востоке, пышность облачения наших генералов (кроме Бонапарта) и простота нашего оружия, естественная жизнерадостность наших характеров, из-за которой казалось, что мы все

¹ Бернуае – жене. Без даты // *Bernoier F.* Op. cit. P. 68.

² *L'agenda de Malus.* Op. cit. P. 68–69

³ *Ibid.*

⁴ *Journal du canonnier Bricard.* P. 326.

⁵ *Ibid.*

⁶ Бонапарт – Директории. 6 термидора VI года (24 июля 1798) // *Napoleon Bonaparte. Correspondence générale.* Vol. 2. P. 194.

⁷ Бернуае – жене. 12 термидора VI года (30 июля 1798) // *Bernoier F.* Op. cit. P. 58.

время смеемся, чему воображение турок подсказывало совсем иное объяснение; – все подобные особенности только усиливали величайшее изумление этих людей, не знавших культуры»¹. В письмах Бернуае приводится несколько подобных сцен, сопровождаемых восхвалением определенных черт характера французов, оттеняемых окружающей атмосферой рабства и невежества. Например, портной описал случай, когда двое гренадеров после битвы у Пирамид схватили мамлюка и решили снять с него богатую красивую одежду, а потом убить, но Бернуае подбежал к ним со словами увещевания, настаивая на том, что французы, в силу своего развития, должны руководствоваться гуманностью в действиях: «Я знаю, что мы – французы, и что, сражаясь за славу, независимость и свободу нашей нации, мы должны отличаться [от остальных]. Мы не должны подражать рабам, которые стали жестокими варварами только потому, что повинуются своим хозяевам и тиранам»². По словам портного, на этот шаг его побудила исключительно гуманность, в результате чего мамлюка не только не убили, но и отправили к врачу. Удивление «восточного человека» было столь велико, что он начал предлагать деньги гренадерам за свое спасение, однако те отказались их взять. То есть именно на фоне местных жителей и их законов французы видели себя в более выигрышном свете и осознавали себя как нацию, которая благодаря Революции познала высшую справедливость и должна нести ее другим народам.

Впрочем, в источниках личного происхождения отмечалось не только варварство, но и положительные стороны жителей Египта. Так, Буае писал о трудолюбии феллахов³, Виго-Руссильон – о гостеприимстве⁴, а Бернуае – о чувствительности и мягкости египтян⁵. Более того, были примеры, когда в результате личных контактов с кем-либо из местных жителей мнение французов относительно них менялось на более положительное. Тот же Бернуае описал случай, когда торговец-мусульманин в лавке с лекарственными травами, видя, что портной изнурен болезнью, напоил его лечебным сиропом, хотя тот попросил всего лишь стакан воды. Бернуае, по его словам, насторожился и подумал, что, возможно,

¹ Journal du capitaine François. P. 222.

² Бернуае – жене. 12 термидора VI года (30 июля 1798) // *Bernoier F.* Op. cit. P. 60.

³ Буае – родителям. 10 термидора VI года (28 июля 1798 г.) // *Copies of original letters.* Vol. 1. P. 145.

⁴ *Vigo-Roussillon F.* Op. cit. P. 69–70. Примечательно, что Виго-Руссильон описал именно персональное гостеприимство, а не благожелательное отношение египтян. По его словам, шейх деревни, к которому он обратился за фуражом для армии, сообщил через переводчика, что гренадеру повезло быть гостем шейха и что если он голоден, тот его накормит, однако снабжать весь отряд не будет.

⁵ Бернуае – жене. Без даты // *Bernoier F.* Op. cit. P. 81.

ему дали отравленный напиток, и только придя домой и расспросив своего переводчика, он осознал благие намерения мусульманина и был глубоко тронут ими¹.

Что касается условий жизни египтян, то облик восточного города поражал французов несхожестью с европейскими городами. Даже столица, Каир, не оправдала чаяний французов увидеть богатый город, на что надеялись участники экспедиции. Каир не соответствовал их представлениям о том, какой должна быть столица. Такую мысль точнее всего формулирует Моран: «Этот город, который турки считают вторым [по значимости] в своей огромной империи, жители Африки признают столицей мира, центром богатства, роскоши и величия, а арабы Йемена и Хиджаза, великих пустынь и остальные мусульмане глубоко почитают, называя «Святым», «Победоносным», «Любимым городом Пророка», «Садом наслаждений», выглядит для европейца всего лишь огромной, бедной и грязной деревней»².

Отдельной темой в источниках личного происхождения является тема женщин и семьи. Жоффруа Сент-Илер описал, как французы были удивлены тем почтением, которое младшие оказывают старшим. По его словам, когда на обеде у одного из шейхов французы пригласили внука хозяина сесть за стол, тот «покраснел так, словно мы ему предложили совершить преступление», а его отец объяснил, что внук «никогда не решится сесть в присутствии сидящего деда, и тем более есть перед ним, поскольку глубокое почтение к деду для него закон»³.

Французы хорошо знали, что мусульмане могут иметь несколько жен, но с числом и статусом таковых путались. Деженет писал, что у мужчины может быть четыре законные жены, помимо наложниц⁴. Брикар утверждал, что законная жена может быть только одна, но наряду с ней могут быть и другие, как он называет их, «любовницы в доме», в таком количестве, какое позволяют средства мужа – вплоть до двадцати. Бернуае писал просто о «множестве жен», которых может взять себе мусульманин при условии, что сумеет их содержать. Бернуае также писал о том, что мусульманки, как правило, не выходят замуж за человека другой религии, поскольку в таком случае, «согласно принципам Магомета и законам этой страны, она будет проклята в том мире и лишится головы в этом»⁵.

¹ Бернуае – жене. Без даты // *Ibid.* P. 68–69.

² *Morand Ch.* Op. cit. P. 75.

³ Сент-Илер – Кювье // *Geoffroy Saint-Hilaire É.* Op. cit. P. 76.

⁴ Деженет – жене. 9 термидора VI года (27 июля 1798) // *Copies of original letters.* Vol. 1. P. 100.

⁵ Бернуае – кузену. 12 брюмера VII года (30 июля 1798) // *Bernoyer F.* Op. cit. P. 94.

Многие участники экспедиции подчеркивали строгость нравов «турок» по отношению к женщинам. Брикар утверждал: «Их нравы крайне жестоки: женщина, уличенная в измене спутнику жизни, приговаривается к смерти»¹. По свидетельству Клебера, европейским женщинам, прибывшим с армией, тоже несколько раз приходилось сталкиваться с нетерпимостью «турок», бросавших им вслед камни или оскорбления. Однако, по словам генерала, со временем местные жители стали вести себя по отношению к европейским женщинам более уважительно². Впрочем, уже упоминавшийся выше очевидец событий египтян аль-Джабарти считал, что француженки сами вели себя очень развязно: «Некоторые из прибывших в Египет французов привезли с собой своих жен... Эти женщины со смехом и хохотом разъезжали по улицам верхом на лошадях и ослах, погоняли их во всю прыть, заигрывая с везущими их погонщиками и с разными подонками из простого народа. К ним тянулись низкие и наиболее развратные женщины легкого поведения»³.

Французы отмечали не только суровость «турок» по отношению к женщинам, но жестокость других местных обычаев. Как подчеркивал Догеро, после второго восстания в Каире горожане, принявшие участие в нем, очень боялись мести со стороны французов, «которая, согласно нравам Востока, должна была быть ужасной»⁴. Франсуа писал о традиции кровной мести, которую называет «священной» для мусульман, поскольку «их пророк ее предписывает в Коране»⁵. По его словам, этот обычай состоит в том, что родители убийцы платят родителям убитого определенную сумму денег, после чего последние прекращают всякое преследование убийцы. По словам Франсуа, Мену, став главнокомандующим, решил упразднить эту практику как противоречившую «законам божественным и человеческим», однако эта мера имела обратный эффект: египтяне, которые отныне не могли договориться о выкупе убийцы, стали мстить и убивать в ответ. Примечательно, что Франсуа выступает против упразднения этого, казалось бы, с европейской точки зрения варварского обычая, хотя и считает его предрассудком: «Опасно слишком резко ущемлять предубеждения народа, над которым мы собираемся властвовать»⁶.

Таким образом, хотя в сочинениях участников экспедиции и прослеживался мотив необходимости «цивилизовать» население Египта, тем не менее зачастую сами оккупанты действовали отнюдь не цивилизованны-

¹ Journal du canonnier Bricard. P. 327.

² Journal des opérations du général Kleber // L'état-major de Kleber en Égypte. P. 31.

³ Ал-Джабарти. Указ. соч. С. 409–410.

⁴ Doguereau J.-P. Op.cit. P. 170.

⁵ Journal du capitaine François. P. 402.

⁶ Ibid.

ми методами, согласуя свои действия с местными обычаями. Одним из ярчайших примеров является жестокая казнь Сулеймана из Алеппо, ранее убившего генерала Клебера. По приговору военного трибунала преступнику сожгли правую руку, а потом посадили его на кол, вынудив долго и мучительно умирать под палящим солнцем. Очевидно, таким образом руководство армии хотело, образно выражаясь, говорить с «людьми Востока» на их языке.

Уже в первые месяцы пребывания в Египте Бонапарт написал из Каира генералу Зайончеку в провинцию Менуф: «Необходимо, чтобы Вы обращались с турками как можно более жестоко. Каждый день здесь отрубают по три головы и проносят их по Каиру; это – единственный способ подчинить себе этих людей»¹. То же он писал и генералу Мену, отмечая, что каждый день в Каире отрубают по 6–7 голов: «Если до сих пор мы должны были осторожно обращаться с ними [местными жителями], чтобы опровергнуть те пугающие слухи о нас, что предшествовали нашему приходу, то теперь, наоборот, надо взять тот тон, который понятен этим покорным людям; а условие их покорности – страх»².

Не все участники экспедиции, считавшие себя более цивилизованными и просвещенными по сравнению с «дикими» и «невежественными» египтянами, одобряли подобную политику командования армии. Так, Бернуае с осуждением заметил, что французский отряд очень жестоко собирал налоги с жителей деревни близ Каира, подвергая должников наказанию палками. Это возмутило его и комиссара Дюваля, и они вместе порицали Бонапарта за то, что он не заменил подобный вид принуждения на более гуманный. Портной весьма эмоционально рассуждал о том, что республиканские законы должны «делать людей счастливыми и рассматривать их как братьев», а на деле получается, что французы в Египте руководствуются не этими законами, а «подражают примеру самых жестоких тиранов, чтобы взыскать налоги с селян»³. Бернуае жалел несчастных жителей, подвергающихся такой несправедливости: «Нас самих оскорбляет больше всего то, что Бонапарт использует те же методы, что и мамлюки»⁴. Также Бернуае называл несчастными жертвами тех зачинщиков восстания в Каире, которых предали смерти, и явно не одобрял то, что их казнили без суда⁵.

¹ Бонапарт – генералу Зайончеку. 12 термидора VI года (30 июля 1798) // *Napoleon Bonaparte. Correspondence générale. Vol. 2. P. 222.*

² Бонапарт – генералу Мену, 13 термидора VI года (31 июля 1798) // *Napoleon Bonaparte. Correspondence générale. Vol. 2. P. 224–225.*

³ Бернуае – жене. Без даты. // *Bernoyer F. Op. cit. P. 85.*

⁴ *Ibid. P. 86.*

⁵ *Ibid. P. 91.*

Однако не только высшее командование, но и рядовые участники экспедиции, хотя и считали себя стоящими на более высокой ступени цивилизации, чем египтяне, и почитали себя носителями идей Французской революции, совершали дела, абсолютно несовместимые с идеями о всеобщем равенстве и братстве. Участники экспедиции не только без возмущения упоминали о существовавшей на Востоке работорговле, но и сами охотно приобретали невольников. Тот же ревнитель всеобщего «братства» Бернуае подробно рассказывает, как выбирал себе рабынь на рынке¹. Догеро, описывая невольничий рынок, утверждал: «Черные рабы в Египте находятся в счастливом положении; женщин покупают, чтобы они составили компанию другим женщинам или занимались работой по дому, мужчин – чтобы помогали в лавке, и зачастую они становятся приемными детьми своих хозяев. Их покупают только богатые люди, и судьба у рабов намного более счастливая, чем у египетских бедняков»². Жоффруа Сент-Илер также подчеркивал, что рабство в Египте не похоже на рабство в Америке и больше похоже на усыновление – два его невольника называли его «отцом»³. Хотя законы Французской республики провозгласили отмену рабства, и оно подвергалось беспощадной критике в многочисленных сочинениях французских авторов⁴, тем не менее французы в Египте не воспринимали его как что-то противоестественное.

Ислам в восприятии французов

С самого начала пребывания в Египте высшее командование Восточной армии призывало солдат уважать местные обычаи, в том числе религиозные⁵. Бонапарт в обращении к армии кратко разъяснил основы религии местных жителей и то, как вести себя по отношению к ним: «Люди, с которыми мы собираемся жить, – магометане. Первый догмат их веры гласит: “Нет Бога, кроме Бога, и Магомет – его пророк”. Не противоречьте им; поступайте с ними так, как мы поступали с евреями и с итальянцами; оказывайте почтение их муфтиям и имамам, как вы оказывали его раввинам и епископам; проявляйте по отношению к церемониям, которые предписывает Коран, к мечетям, ту же терпимость, которую вы про-

¹ Бернуае – кузену. 12 брюмера VII года (30 июля 1798) // *Ibid.* P. 98–100.

² *Doguereau J.-P.* Op.cit. P. 26.

³ Сент-Илер – профессорам музея // *Geoffroy Saint-Hilaire É.* Op. cit. P. 122.

⁴ Подробнее см.: *Derbyshire Seeber E.* Anti-slavery opinion in France during the second half of the eighteenth century. N.Y., 1937.

⁵ О религиозной политике Бонапарта см.: *Кириллина С. А.* Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000. С. 212–263.

являли к монастырям и синагогам, к религиям Моисея и Иисуса Христа»¹.

Каким оказалось впечатление от непосредственного соприкосновения с исламом у участников экспедиции, имевших уже некоторое представление об этой религии? Основной характеристикой ислама («магометанства» или «исламунизма», как они его называли) французы считали фанатизм. Брикар писал, что жители «соблюдают их [религиозные] законы с большой строгостью», а потому, во избежание бунта, надо не мешать им отправлять свой культ². Догеро отмечал, что во время Каирского восстания «повстанцы демонстрировали такую энергию, на которую в этой стране вдохновляет только религия»³. Бернуае считал, что султан смог побудить к восстанию жителей Египта, поскольку «османский двор прекрасно знает о фанатизме египтян, считающемся одним из самых сильных на Востоке»⁴. Он же подчеркивал, что именно мусульманские священнослужители разжигали толпу «коварными и бунтарскими проповедями, в которых зывали к авторитету Бога и его пророка, чтобы еще больше возбудить это сборище бешеных; это – великое средство, которое служители культа используют, чтобы всколыхнуть и привести в действие правоверных»⁵. Франсуа писал про фанатизм Сулеймана, убийцы Клебера: он отправился на «священную войну» против французов, ожидая, что за это его ждет райская жизнь, и во время мучительной казни держался очень стойко⁶.

Эту преданность местного населения религии французы пытались использовать в своей политике по отношению к нему. С самого начала пребывания французов в Египте ими распространялись прокламации на арабском языке, в которых Бонапарт заверял египтян в своих самых лучших намерениях: «...Я больше, чем мамлюки, поклоняюсь Богу всевышнему и почитаю пророка и его великий Коран»⁷. Жобер писал по этому поводу другу: «Вы, парижане, возможно, будете смеяться над этой магометанской прокламацией главнокомандующего. Это – настоящий цирк, но она произвела большой эффект»⁸. По-видимому, солдаты действительно считали, что местное население способно поверить сказанному в этих

¹ Bourrienne, L.A. Mémoires de Bourrienne sur Napoléon, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration. Vol. 3. P., 1829. P. 77–78; Бернуае – жене. 4 термидора VI года (22 июля 1798) // Bernoyer F. Op. cit. P. 44–45.

² Journal du canonnier Bricard. P. 317.

³ Doguereau J.-P. Op. cit. P. 169.

⁴ Бернуае – жене. 30 нивоза VII года (9 января 1799) // Bernoyer F. Op. cit. P. 128.

⁵ Бернуае – жене. Без даты // Ibid. P. 88.

⁶ Journal du capitaine François. P. 390, 396–397.

⁷ Ал-Джабарти. Указ. соч. С. 54.

⁸ Жобер – Жоберу. 20 мессидора VI года (8 июля 1798) // Copies of original letters. Vol. 1. P. 26.

прокламациях, и сами использовали подобную демагогию в общении с местными жителями. Так, Буае в письме родителям привел историю о том, как шейх одной из деревень, куда пришли французы, вышел навстречу им вместе со всем населением и спросил, «какое право имеют христиане захватывать страну, которая принадлежит Великому Султану (Grand Seigneur)». На это предприимчивый француз ответил: «Сие произошло по воле Бога и его Пророка Магомета, которые нас сюда привели»¹. После этого шейх, по словам Буае, спросил, поставил ли король Франции султана в известность о подобном действии и вообще как поживает король. Буае заверил его, что король договорился с султаном и прекрасно себя чувствует, после чего шейх поклялся Буае в своей дружбе. Как видим, французы не только пытались играть на религиозных чувствах египтян, но и пользовались также их неосведомленностью в мировой политике.

Хотя в источниках личного происхождения нет ни одного подробного описания религии ислама, тем не менее участники экспедиции не раз упоминали о ее отдельных сторонах или о своих представлениях о ней. Так, Бернуае отмечал, что слова «Нет Бога, кроме Бога, и Магомет – его Пророк» настолько священны для мусульманина, что, произнесенные противником-иноверцем во время боя на арабском языке, они могут спасти ему жизнь². Как уже было показано выше, французы подчеркивали, что многие стороны жизни мусульман регламентируются нормами их религии – «законом Магомета»: запрет на вино, традиции брака, кровная месть, предписания соблюдать чистоту и т.д. Вийер дю Терраж также отмечал, что местные жители были поражены, когда увидели французов в зеленой одежде, ведь «этот цвет предназначен у них потомкам Магомета»³.

Поскольку французы столкнулись с «восстанием Махди»⁴, этот персонаж также упоминался в источниках личного происхождения. Например, Догеро писал, что Махди – это «ангел, предвещавшийся Пророком в Коране», «который должен спуститься с небес»⁵, и рассказывал про

¹ Буае – родителям. 10 термидора VI года (28 июля 1798 г.) // Ibid. P. 139–140.

² Бернуае – жене. Без даты // *Bernoayer F.* Op. cit. P. 79. Бернуае приводит слова шахады (араб. «свидетельство»), искреннее произнесение которой является условием принятия ислама.

³ *De Villiers du Terrage É.* Op. cit. P. 72.

⁴ Махди (араб. «ведомый») – в исламе провозвестник конца света, аналог Мессии, последний преемник пророка Мухаммада. В мировой истории известно несколько «восстаний Махди», самое знаменитое из которых – восстание в Судане в 1881 г. против англичан. Французы же во время египетской экспедиции столкнулись с первым подобным восстанием в долине Нила. Оно охватило запад Дельты, в частности район Даманхура в 1789–1799 г. Во главе него стоял некий магрибинец, провозгласивший себя Махди. Восстание было подавлено французами в июне 1799 г.

⁵ *Doguereau J.-P.* Op.cit. P. 122. Догеро излагает неверную информацию. Махди не упоминается в Коране (только в хадисах) и не является ангелом.

«самозванца», объявившего себя Махди. Примечательно, что и сам Бонапарт пытался использовать образ Махди в своих целях. По свидетельству Жоллуа, в декабре 1798 г. на заседании Института Египта Бонапарт рассказал о «прокламации жителям Египта, в которой сообщал, что ведаёт все секреты их сердца. Стиль этой прокламации был совсем пророческим»¹. Аль-Джабарти приводит эту прокламацию в своей хронике². В другом же своем сочинении, которое велось непосредственно в период французской оккупации и затем легло в основу вышеупомянутой хроники, он сопровождает ее возмущенным комментарием: «Я обязательно хочу привести основную часть этого послания, написанного от имени главнокомандующего, поскольку в нем содержатся обман, слабомная ложь и наглые притязания на пророчество и появление Махди»³.

В дневниках и корреспонденции существует довольно много описаний так называемых дервишей и вообще проявлений суфизма. Детрое писал, что на празднике в честь дня рождения Пророка присутствовали дервиши и что «люди очень почитают этих фанатиков, у которых длинные волосы и неопрятная одежда». Детрое поразил один из ритуалов дервишей, во время которого они, встав в круг, все вместе раскачивались до полного изнеможения от своих «неистовых движений» и некоторые из них, как он слышал, даже умирали от этого⁴. Малюс также описал «безумцев», которые доводят себя до изнеможения повторяющимися движениями и падают с пеной у рта, «изнуренные усталостью или яростью». По его словам, это и есть дервиши, которым «позволено все; многие из них бегают по улицам в различное время года голыми, как обезьяны. Они живут только подаянием»⁵. Увидев, как один из дервишей упал замертво, Вийер дю Терраж заметил: «Эти суеверные люди вызвали у меня жалость и презрение»⁶. Очевидно, французы созерцали подобные картины с недоумением, находя в них подтверждение своей уверенности в невежестве египтян. Если при Бонапарте и Клебере французская адми-

¹ Jollois J.-B.-P. Op. cit. P. 76.

² «Знайте также, что я могу открыть то, что таится в сердце каждого из вас, потому что, как только я взгляну на человека, я проникаю в его душу и познаю то, что в ней сокрыто, хотя бы я ни словом не обменялся с ним. Однако придет время, настанет день — и вы убедитесь воочию, что все сделанное и учрежденное мною есть предначертания бога, которые неминуемо осуществляются. Как ни старайся человек — он не может уйти от своей судьбы или воспрепятствовать исполнению предначертаний божьих, которые всевышний осуществляет моими руками. Хвала и честь тем, кто, поспешив объединиться со мной, проявит усердие вместе с благонамеренностью и чистосердечием души». *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 130.

³ Тārīḫ mudḡat аль-Фарансйс би Мыр. Al-Jabarti's Chronicle of the First Seven Months of the French Occupation of Egypt. Leiden, 1975. С. 95 (P. 119).

⁴ *De La Jonquière* C. Op. cit. Vol. 2. P. 481–482.

⁵ L'agenda de Malus...Op. cit. P. 90.

⁶ Ibid. P. 72.

нистрация старалась соблюдать все местные традиции, не осознавая, что суфийские праздники, которые они отмечали наряду с «официальными» мусульманскими, не одобряются богословами аль-Азхара¹ и относятся, скорее, к народной культуре², то в командование Мену, когда шейхи дивана подтвердили, что действия дервишей противоречат религии, было приказано их арестовывать.

Участники экспедиции вполне осознавали основы религиозной политики Бонапарта по отношению к мусульманам и поддерживали ее. Так, Франсуа отмечал, что шейхи дивана искренне верили Бонапарту, который уверял их, что «отрекся от веры в Троицу, чтобы исповедовать только веру в Единство, которая является основной в религии, проповедуемой Магометом»³. Кроме того, по его словам, обращение генерала Мену в ислам, обещание Бонапарта построить в Египте мечеть, способную соперничать со Святой Софией в Стамбуле, и его религиозная политика в целом «обеспечили дружеское расположение турок, которые его [Бонапарта] называли “мечом Бога”»⁴. Брикар также признавал религиозную политику Бонапарта политически обоснованной⁵.

Однако сам Бонапарт прекрасно осознавал зыбкость положения французов и ненадежность поддержки мусульман. Он не забывал о значимости опоры на христиан и старался играть на их противоречиях с мусульманским большинством. Перед отъездом из Египта Бонапарт писал в инструкции Клеберу: «Христиане всегда останутся нашими друзьями. Однако не нужно позволять им становиться слишком дерзкими, чтобы турки не относились к нам с тем же фанатизмом, какой испытывают по отношению к христианам, ибо это разрушит все возможности примирения»⁶. Франсуа, описывая недостатки политики Мену, в частности вменял ему в вину то, что тот удалил коптов из дивана и заменил их мусульманами, которые не были столь же преданы главнокомандую-

¹ Так, аль-Джабарти, как ученый-богослов аль-Азхара, осуждающе относился к подобным торжествам и описывал их следующим образом: «Жители радовались сборищам, развлечениям и увеселениям, которые происходили теперь во всем квартале, так как это соответствовало нраву простого народа, в большинстве своем от природы склонного к распущенности и легкомыслию. Таковы по характеру и французы» (*Ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 136). Более того, он считал одной из причин такого количества праздников, в особенности суфийских, «возможность отступить от законов шариата, встречаться с женщинами, удовлетворять свою похоть, развлекаться и делать все то, что запрещено» (Там же. С. 231).

² Там же. С. 481, прим. 43.

³ *Journal du capitaine François*. P. 338–339.

⁴ *Ibid.* P. 339.

⁵ *Journal du canonnier Bricard*. P. 355.

⁶ Бонапарт – Клеберу. 5 фрюктидора VII года (22 августа 1799 г.) // *Copies of original letters*. Vol. 3. P. 11.

щему¹. В целом же, в источниках личного происхождения содержится довольно мало информации о христианах Египта и об их взаимоотношениях с мусульманами. Дама в письме матери отмечал, что из миллиона жителей Каира около 60 000 – христиане, которые «очень спокойны и достаточно любят французов»². Бернуае сообщает о своем разговоре с одним из египетских христиан, который признался, что выросшие среди мусульманского большинства христиане переняли не только многие их обычаи, но и религиозные принципы³.

Таким образом, в источниках личного происхождения уделялось не слишком много внимания описанию религии ислама и межконфессиональным взаимоотношениям и приводились на сей счет лишь отрывочные сведения. Ислам изображался в дневниках и письмах религией фанатиков, с помощью которой священнослужители и султан могли манипулировать легко возбуждаемой толпой, а сами описываемые ритуалы и традиции трактовались как суеверия. Тем не менее в отличие от прессы Восточной армии в дневниках и письмах не акцентировалось внимание на межконфессиональное противостояние местных христиан и мусульман.

* * *

Итак, образ Востока в источниках личного происхождения отличался от того, который насаждался командованием французской армии. Египет был для участников экспедиции страной тяжелого климата, невежественного народа и поразительной нищеты, а потому главным желанием солдат и ученых было скорейшее возвращение домой. Именно в сравнении с местными жителями, с их привычками, обычаями, религией и образом жизни французы осознавали свое превосходство в культурном плане. На примере жителей Египта оккупанты формировали суждение о «жителях Востока» вообще и делали общие выводы относительно привычек и обычаев, присущих, по их мнению, всему Востоку. Именно эти «жители Востока» (*les Orientaux*) и были для французоз теми «Другими», в сравнении с которыми оккупанты ощущали свое культурное превосходство и выделяли такие идентифицирующие черты своего характера, как великодушие, гуманность, просвещенность. Соответственно в сочинениях участников экспедиции звучит мотив о необходимости «подтянуть» жителей Востока до уровня французоз, высказывается убеждение в необходимости распространения ценностей Французской

¹ Journal du capitaine François. P. 401-402

² Дюма – матери. 29 термидора (16 августа) // Copies of original letters. Vol. 2. P. 153.

³ Бернуае – кузену. 12 брюмера VII года (30 июля 1798) // *Bernoyer F.* Op. cit. P. 101.

революции. Однако сами французы далеко не всегда спешили применять эти идеи на практике, предпочитая на «невежественном» и «жестоким», по их мнению, Востоке действовать «принятыми здесь» способами. То есть сложившийся образ Востока определял и политику французов по отношению к нему. Сформировавшийся у французов образ восточных людей – раболепных и пассивных – нередко побуждал участников экспедиции на такие действия по отношению к ним, которые порою возмущали даже некоторых из их соотечественников. Дальнейшему развитию этого образа способствовали и обобщения относительно «восточных людей», которым приписывались специфические черты и обычаи. Такими обобщениями источники личного происхождения просто изобилуют.

Список литературы

Ал-Джабарти, 'Абд Ар-Рахман. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801) / Перевод, предисловие и примечания И.М. Фильштинского. [Al-Djabarty Abd Ar-Rahman. Egiptet v period ekspeditsii Bonaparta] М., 1962.

Кириллина С.А. Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. [Kirillina S.A. Islamskie instituty Osmanskogo Egipta v XVIII – pervoj treti XIX] Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2000.

Прусская Е.А. Французская пресса в Египте о мусульманском Востоке (1798–1801) // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 223–251. [Prusskaya E. Frantsuzskaya pressa v Egipte about Muslim Orient // Frantsuzskij ezhegodnik 2012: 200-letnij ubilej Otechestvennoj vojny 1812 goda. М., 2012. S. 223–251].

Al-Jabarti's Chronicle of the First Seven Months of the French Occupation of Egypt. Leiden, 1975.

Berneyer F. Avec Bonaparte en Égypte et en Syrie: 1798–1800. 19 lettres inédites // Pr. par Ch. Tortel. P., 1981.

Bourrienne, L.-A. Mémoires de Bourrienne sur Napoléon, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration. Vol. 3. P., 1829

Copies of original letters from the army of general Bonaparte in Egypt, intercepted by the fleet under the command of admiral Lord Nelson. 3 vols. L., 1799–1801.

De La Jonquière C. L'Expédition d'Égypte (1798–1801) / Nov. éd. par J. Garnier. 5 vols. P., 2003.

Derbyshire Seeber E. Anti-slavery opinion in France during the second half of the eighteenth century. N.-Y., 1937.

Doguereau J.-P. Journal de l'expédition d'Égypte. Éd. par C. de La Jonquière. P., 1997.

Geoffroy Saint-Hilaire É. Lettres écrites d'Égypte à Cuvier, Jussieu, Lacépède, Monge, Desgenettes, Redouté jeune, Norry, etc., aux professeurs du Muséum et à sa famille / Pub. par le Dr. E.-T. Hamy. P., 1901.

Journal du canonnier Bricard (1792–1802) // Pub. par A. et J. Bricard. P., 1891.

Journal du capitaine François (dit le Dromadaire d'Égypte), 1792–1830 // Pr. par J. Jourquin. P., 2003.

Kleber J.-B. Carnets d'Égypte // L'état-major de Kleber en Égypte. 1798–1800. D'après leurs carnets, journaux, rapports et notes // Éd. par S. Le Couëdic. P., 1997.

L'agenda de Malus; souvenirs de l'expédition d'Égypte, 1798–1801 // Pub. par le général Thoumas. P., 1892.

Morand Ch. Lettres sur l'expédition d'Égypte: de l'Italie à la prise du Caire; suivies de son Carnet de route de chef de brigade : de Rome à Assouan. 1798–1799 // Éd. par le comte Morand. P., 1998.

Vigo-Roussillon F. Journal de campagne: 1793–1837. P., 1981.